

УДК 139.316 б
Оригинальная статья

Информационно-психологическое противоборство Китая: ретроспективный анализ

В. В. Собольников

Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

Аннотация. Системные угрозы, возрастающая роль информационных технологий актуализировали проблему информационно-психологического противоборства Китая. Целью работы явился ретроспективный анализ психологических аспектов системы противоборства. Решалась задача изучения китайского противоборства как этнокультурного феномена и его психологического ядра. Методологию составил психолого-культурологический подход к анализу системы противоборства по достижению КНР информационного превосходства. Теоретической основой стали специфика эволюции сознания, получение ментального опыта определивших смысловую природу ханьского этноса, духовное единство и культуру в форме «китаецентризма». Использовались методы системного, ретроспективного, феноменологического и дискурсивного анализа. Установлено, что специфику системы противоборства составили фрагменты древнекитайских стратагем, технологий тайных обществ, теории «народной войны», элементы теории западных информационно-психологических войн. «Концепция трех войн» (психологическая, медиа- и правовая войны) КНР установила право опережающих действий в киберпространстве и нанесении удара первыми. Анализ психологической природы противоборства обусловил авторский вариант его понятия как «этнокультурного феномена, ядром которого является совокупность технологий воздействия в виде психологических средств достижения информационного превосходства». Технологии введения в заблуждение, сокрытия планов, манипуляции, дезинтегрирования, дефрагментирования и т. д., включающие многовековой опыт, современные наработки ИИ, БД и т. д. задают дезинформационный характер. Призыв власти «укреплять вооруженные силы и быть готовыми к войне» привнес в концепцию «мягкой силы» иное содержание: «мягкое внешне, но жесткое внутри». Дискурсивно-когнитивная парадигма раскрыла психологическую суть дискурса, где когниции «летят» в виде текстов, обеспечивая «когнитивное конструирование мира» в медиaprостранстве. Деструктивизация киберпространства приобретает иные очертания, превращая информационно-психологические методы (стратагемы, креолизованный контент и др.) в наиболее острое средство противоборства. Сетевые операции на основе синтеза «технических» и «человеческих» технологий в киберпространстве воспринимаются как средство противоборства и достижения информационного превосходства.

Ключевые слова: информационно-психологическое противоборство, этнокультурный феномен, психологическая операция, технология дискредитации, информационные технологии, цифровые технологии, киберпространство, сетевые операции, деструктивный контент

Для цитирования: Собольников В. В. Информационно-психологическое противоборство Китая: ретроспективный анализ // *Профессиональное образование в современном мире*. 2021. Т. 11, № 1. С. 236–246. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-1-21>

Original paper

Information-psychological counteraction of China: a retrospective analysis

V. V. Sobolnikov

Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk, Russian Federation

e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

Abstract. Systemic threats, growing role of information technologies have actualized the problem of information and psychological confrontation in China. The paper objective is a retrospective analysis of the confrontation system psychological aspects. The study aimed at the Chinese confrontation as an ethnocultural phenomenon and its psychological core. The methodology is a psychological and cultural approach to the analysis of the confrontation system to achieve information superiority by CPR. The theoretical basis is the specificity of the consciousness evolution, obtaining the mental experience determined the semantic nature of the Han ethnos, spiritual unity and culture in "Chinese centrism" form. The author uses methods of systemic, retrospective, phenomenological and discourse analysis. It was found that the specificity of the confrontation system was made up of fragments of ancient Chinese stratagems, technologies of secret societies, the theory of "people's war", elements of the theory of Western information-psychological wars. The Chinese "Concept of three wars" (psychological, media and legal war), established the right to preemptive actions in cyberspace and strike first. The analysis of the psychological nature of counteraction determined the author's version of its concept as "an ethnocultural phenomenon, which core is a set of technologies of influence in the form of psychological means of achieving information superiority". Technologies of deception, plan concealment, manipulation, disintegration, defragmentation, etc., including centuries of experience, modern developments in AI, DB, etc. set a disinformation character. The authorities' call to "strengthen the armed forces and be ready for war" brought a different meaning to the concept of "soft power": "soft outside, but hard inside". The discursive-cognitive paradigm revealed the psychological essence of discourse, where cognitions "fly" in the form of texts, providing "cognitive construction of the world" in the media space. The cyberspace destruction takes on different shapes, turning information-psychological methods (stratagems, created content, etc.) into the most acute means of confrontation. Network operations based on the synthesis of "technical" and "human" technologies in cyberspace are perceived as a mean of counteraction and achieving information superiority.

Keywords: information-psychological confrontation, ethnocultural phenomenon, psychological operation, discrediting technology, information technology, digital technologies, cyberspace, network operations, destructive content

Citation: Sobolnikov V. V. [Information-psychological counteraction of China: a retrospective analysis]. *Professional education in the modern world*. 2021, vol. 11, no. 1, pp. 236–246. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2021-1-21>

Введение. Развитие современных информационно-психологических технологий, последствия пандемии привели к трансформации возможностей субъектов международного права, видоизменив формы коммуникации и, по сути, возникновению новой ситуации. Открываются признаки новой реальности, где возможности массового уничтожения людей, подрыва материального благосостояния, разрушения культурных ценностей совпали с искусством использования средств информационно-психологического противоборства [1, с. 13–14]. Явными преимуществами стали обладать субъекты, способные накапливать и применять во всех сферах функционирования потенциал инноваций будущего, в котором про-

тивоборство стало одним из значимых факторов достижения в первой половине XXI в. целей национальной стратегии [2, с. 223]. В этой связи противоборство между Вашингтоном и Пекином после объявления президентом, а затем и госсекретарем США через СМИ Китаю «холодной войны» резко возросло. Угроза стратегической стабильности, вероятность применения нетрадиционных технологий привели к ослаблению устойчивости в мире [3]. Применение мировым лидером гибридных технологий в целях обеспечения своего превосходства [4] вызывает сопротивление со стороны многих стран, в том числе и Китая. Так, китайская концепция «Трех войн» рассматривает информационно-психологическое противоборство как

«подрывное средство», нацеленное на сдерживание, устрашение и деморализацию противника, подрыв способности принимать правильные решения и вести военные операции. В условиях «осыпающегося мира» и роста противоборства с США Китай нацелен на развитие методологии системы противоборства и внедрение новых технологий. Итоги работы ведущих научных центров Китая [5, с. 49–53] по разработке цифровых и других технологий, адекватных «духу времени»¹, усиливают необходимость системного анализа информационно-психологического противоборства Китая. Наличие двух диаметрально противоположных научных подходов к пониманию системы противоборства (в одном случае как отражения «глубокой древности», а в другом – «гигантским его развитием и выходом на первые позиции») закладывает противоречие. Вероятностный анализ и когнитивная интерпретация психологического содержания фрагментов системы противоборства будет способствовать получению новых знаний.

Постановка задачи. Китай как геополитическая реальность начала XXI в. выходит на передовые позиции в сфере информационных технологий, становясь мировым лидером в ведении информационно-психологического противоборства. Возрастающая активность Пекина в современном мире привела к трансформации «торговой войны в информационно-психологическое противоборство» с США. Системное противодействие Вашингтона КНР, а также характер террористических угроз, связанных с этноконфессиональной разобщенностью в его отдельных провинциях², серьезно осложняют его положение [6, с. 312–316].

¹ Кошурникова Н. А. Особенности информационной политики современного Китая // Китай: история и современность: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2016. С. 279–284; Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (дата обращения: 08.01.2021) и др.

² Савин Л. Протесты против властей выходят на международную арену // Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика». URL: <https://vpoanalytics.com/2020/11/04/protesty-protiv-vlastej-vyhodyat-na-mezhdunarodnuyu-arenu/> (дата обращения: 08.01.2021); Прохвятилов В. Госдеп США начал готовить переброску террористов в Синьцзян и Центральную Азию // Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика» URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/11/12/gosdep-nachal-gotovit-perebrosku-terroristov-v-sinczjan-i-centralnyu-aziu-52239.html> (дата обращения: 12.11.2020); Нефедов Д. Синьцзян – Центральная Азия: крапленая «уйгурская карта» снова в игре // Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика» URL: <https://vpoanalytics.com/2020/11/13/sinczjan-tsentrlnaya-aziya-kraplyonaya-ujgurskaya-karta-snova-v-igre/> (дата обращения: 13.11.2020) и др..

Вышеизложенные вопросы обеспечения внутренней информационной безопасности и киберпространства актуализируют нашу проблему. Осознание угроз, понимание необходимости выхода на новый уровень и нереальность этого прежними средствами отразили перспективу системы противоборства. Поэтому военно-политическое руководство КНР стало рассматривать систему информационно-психологического противоборства в виде самостоятельного элемента государства, для достижения стратегических целей геополитического уровня. Так, работа по строительству «Спокойного Китая», совершенствование на основе применения информационных технологий системы предупреждения нарушений, организация борьбы с терроризмом и поддержание общественной стабильности³ остаются значимыми. Опыт КНР по обеспечению борьбы в этой сфере [7] открывает возможность определить природу этого феномена, место в общей системе противодействия. При крайней нечеткости и скрытой генерации теории информационно-психологического противоборства в китайской интерпретации наш анализ представляет интерес. Более того, значительный рост угроз в мире в первой половине XXI в. усиливает актуализацию выделенных проблем и создает основания их проработки, определяя новизну научного знания. Поэтому основной целью работы является ретроспективный анализ психологических аспектов китайской системы информационно-психологического противоборства, которую можно характеризовать в качестве важного инструмента деятельности Китая.

Методология и методика исследования. Методология исследования базируется на психолого-культурологическом подходе к оценке китайской системы информационно-психологического противоборства по достижению информационного превосходства в современных условиях. Теоретическую основу составляет ряд идей, положений, выводов, изложенных в работах, посвященных анализу проблем этнокультурного пространства КНР, трансформации ценностей, раскрывающих понятия и структуру информационно-психологического противоборства. Оценка развития его системы в ретроспективе от ее зарождения до современных возможностей искусственного интеллекта и алгоритмов, схожих с сознанием и осознанием человека как генератора технологий, является методологическим подходом к его анализу. Наряду с общенаучными (анализ, синтез, абстрагирование, сравнение, обобщение, аналогия, формализация) применялись методы

³ Доклад о работе Правительства КНР. URL: http://russian.news.cn/china/2017-03/16/c_136134383.htm (дата обращения: 08.01.2021).

системного, феноменологического и дискурсивного анализа, а при интерпретации парадигмальных текстов – приемы и методы герменевтики.

Результаты. 1. Информационно-психологическое противоборство как этнокультурный феномен Китая. Информационно-психологическое противоборство китайскими специалистами воспринимается через призму устойчивости «Поднебесной», изменчивости социума в виде «бездействия» в латентном состоянии с активизацией в ситуациях угроз и вызовов. Оба качества в совокупности создают основу выживания Китая, а поэтому и выделения противоборства как этнокультурного феномена, как проекции систем, концепций и социального опыта, требующего осмысления. Современный психолого-культурологический подход прослеживается от концепции «Восток – Запад», где различное восприятие «я» и социума обеспечивает разграничение менталитетов. Различия восточного и западного типа личности определяют жизнедеятельность, механизмы взаимодействия, отличия в этнопсихологии людей. Поэтому фрагментарный анализ историко-философской мысли Китая и «восточного мышления» в контексте времен его существования в целях понимания противоборства с минимумом искажений является важным. «Срединное государство» не только смогло достигнуть значимых высот, но и, осознав современные вызовы и угрозы, разработать стратегии информационно-психологической безопасности. Более того, курс на развитие военно-технологического потенциала обеспечивает вероятность традиционного уклонения КНР от противостояния с противником и усиления своего глобального влияния. Фрагменты системы китайского противоборства (введение в заблуждение, сокрытие планов, применение дезинформации и т. д.) подчеркивают уникальность и имеют отношение к новой «Великой китайской стратегии»⁴. Главной целью остается не победа над противником любой ценой, а воздержание от непосредственного столкновения и изменение сил в свою пользу, в итоге – достижение господства и процветания китайского народа. В целом, полагают они, жизнеспособность нации значительно повышается, позволяя ей лидировать в благополучном, а не разрушающемся мире⁵.

В то же время существует версия, что Китай в настоящее время осуществляет информационную

войну, прежде всего, «незападными» средствами. Обращение, например, к докладу «Возможности КНР вести кибервойну и использовать компьютерные сети», подготовленному в 2009 г. группой Northrop Grumman для Конгресса США, раскрывает потенциал Китая. В нем обнаруживаются фрагменты доктрины применения средств воздействия, в том числе и на компьютерную инфраструктуру противника [8]. Так, компьютерные сетевые операции рассматриваются ими как средство противоборства, а интеграция их элементов (электронные и неэлектронные, наступательные и оборонительные) позволяет раскрыть возможности [9]. В другом документе – «Военно-политическое руководство» – нашли отражение основные положения стратегии информационно-психологического противоборства. Так, в разделе «Основные направления оборонной политики КНР» системная информатизация НОАК рассматривается как условие информационно-психологического противоборства в локальных войнах [10]. В документе «План развития искусственного интеллекта нового поколения», принятом в 2017 г., планируется к 2025 г. стать лидером в области технологий ИИ. Там же сформулированы принципы достижения победы: (а) уничтожение или захват системы головного компьютера противника; (б) нанесение удара по системам дистанционной разведки, управления войсками, узлам связи, ЭВЦ и т. д.; (в) создание искусственных условий по «перегрузке» компьютерной сети противника в целях получения контроля над потоками информации; (г) использование достижений в области программных средств несанкционированного проникновения в сеть управления противника или заражение вирусами. Более того, Пекин обладает рядом эксклюзивных технологий, в частности, использования ИИ, ботов, пси-средств, распознавания образов и речи человека и др. Руководство НОАК считает внедрение ИИ неизбежным, а ведение гибридных войн рассматривает с позиции сочетания интеллектуальных боевых и командных платформ.

Следует отметить, что информационно-психологическое противоборство китайцами понимается как совокупность действий, направленных на разрушение и нейтрализацию информационных систем противника, а также защиту собственных информационных систем. Преследуется цель – завоевание инициативы в достижении информационного превосходства, что является близким к целевой установке, принятой в США. В целом сложилась уникальная система противоборства, которая включала этнокультурную специфику, доктрину Н. В. Огаркова⁶ [3] и элементы западной

⁴ Бояркина А. О стратегическом прорыве Китая к 2050 году // Экспертиза и аналитика. Дальневосточный федеральный университет. 23.08.2018. URL: https://www.dvfu.ru/expertise/news/atr/strategic_breakthrough_for_china_by_2050/ (дата обращения: 08.01.2021).

⁵ Габуев А. Мега-регулятор по-пекински // Коммерсантъ. 06.11.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4549937> (дата обращения: 08.01.2021)

⁶ Огарков Н. В., маршал Советского Союза, с 1977 по 1984 г. – начальник ГШ Вооруженных Сил СССР.

модели информационно-психологических операций [11]. Разработка теории противоборства в КНР велась в рамках концепции «укрепления идентичности»: национальной идентичности и идентичности китайской нации, а также нового китайского национализма⁷. В сущности, первые исследования по ведению психологических операций в Китае при закрытом их характере следует отнести к началу 80-х годов прошлого столетия [11, с. 14–18]. Примерно в это время в печати появились материалы по проблемам противоборства, в которых данный феномен рассматривался с позиции межцивилизационного противоборства. Не следует забывать, что Китай с его 5000-летними корнями уходит в глубокую древность, его самостоятельность и самобытность признана всеми. Череда этапов в истории его развития усилила имперскую идентичность, позволяя видеть себя центром Вселенной и осознавать превосходство над «другими». Существование фундаментальных отличий ханьцев, получивших отражение в менталитете и психологии современных китайцев, зафиксированы в мощных пластах ментального наслоения. Опыт как зеркальное отражение коллективного бессознательного проявил себя в понятийном знании, мета-когнитивных процессах и психологических особенностях личности китайцев. Более того, многовековой процесс «переноса опыта» оказал влияние на когнитивную сферу личности и различные виды деятельности китайского социума, проявляясь в способности мыслить по аналогии, строить метафоры и т. д. [12, с. 7–28]. Сформированное «ментальное пространство» Китая в итоге обрело терминологическое оформление в специфическом видении прошлого и перспектив в настоящем.

Удивительная гибкость и продуктивность деятельности китайской элиты обнаруживает при этом наличие таких важных психических образований, как независимость от внешнего мира и способность к выработке собственных правил организации информации (селекции, структурирования, преобразования и т. д.). Смысловая природа ханьского этноса, специфика эволюции и приобретение ментального опыта обеспечили концентрацию духовного единства, культуры в рамках видения себя центром Вселенной [12, с. 29–32]. По этой причине концептуальные подходы к теории противоборства определялись трудами не только западных исследователей, но прежде всего древнекитайских исследователей. Так, в дошедших до нас трактатах «Шесть секретных учений Тай-гуна», «Искусство войны» Сунь-цзы и ряде других содержится информация

о ведении операций по противоборству. С появлением трактатов в начале периода «Борющихся Царств», затем на всех последующих этапах развития «Поднебесной» ее лидеры неуклонно следовали принципам и совершенствовали технологии борьбы. Так, «Шесть секретных учений Тай-гуна – книга [13], проповедующая свержение правящей династии, появилась за несколько столетий до «Искусства войны». Представляют интерес вопросы противоборства, направленные на подрыв сил противника и упрочение своей материальной базы. В частности, специальные методы сбора информации, диагностики противника и управления путем хитрости и обмана. Эффективными являлись средства проведения психологических операций: приспособленчество, потворство желаниям, склонение на свою сторону, подкуп, развращение деньгами и женщинами, заговоры, любимчики, сговоры, втягивание в подрывную деятельность, лесть, агенты влияния, шантаж. Важное место отведено приемам не только разложения и развращения противника, но и нагнетания страха, привнесения смятения средствами дезинформации, распространения чувства боязни, ужаса, паники и т. д. Высшей доблестью считалось применение обмана, хитрости, зарождение подозрений, взятки, дары и т. д. Особое место при этом уделялось соблюдению полной секретности при осуществлении политических, военных и других действий.

Другой древнекитайский трактат – «Искусство войны» Сунь-цзы – в течение многих веков и по настоящее время остается важнейшим источником организации противоборства. В этом источнике обнаруживается главная идея противоборства: «Одержать сотню побед в сражениях – это не предел искусства. Покорить противника без сражения – вот венец искусства» [14, с. 48–49]. В трактате просматриваются методы распознавания, скрытого управления и ослабления врага, с тем чтобы вначале разбить замыслы противника, затем – его союзы, а в последнюю очередь – войска. В этих целях, завлекая врага в ловушки выгодой, лишая храбрости, ослабляя и изматывая, проникать в его ряды и самые уязвимые места. «Война – это путь обмана, постоянной организации ложных выпадов, распространения дезинформации, использования уловок и хитростей» [14, с. 40]. Предлагалось «выдать пустое за наполненное, а регулярное – за нерегулярное», что могло породить хаос и неразбериху, а следовательно, несовпадение реального содержания ситуации и ее внешнего образа. Вся «хитрость» стратегии Сунь-цзы состоит в создании ряда ситуаций неопределенности, придании им требуемой динамики противостояния, а в целом – реализации стратегии поведения в образе Великого Пути (Дао). Вовлеченные в единый поток события, обуславливая и порождая иные,

⁷ Виноградский Б. Б. Ментальная матрица власти и тело государственного сознания в китайской традиции. URL: <http://www.bronislav.ru/stat/187> (дата обращения: 08.01.2021).

вызывают состояния, когда «беспорядок рождается из порядка, трусость – из храбрости, а слабость – из силы». Тайный смысл этого обнаруживается как интуитивно, так и с помощью негласных источников [14, с. 293–299]. Не случайно китайцы с должным пиететом относятся к «Книге Перемен» с ее опорой на «сверхрассудочное следование метаморфозам» [15]. В этом плане интерес руководства КНР к «Искусству войны» обусловлен как традициями, так и потребностью стратегии [16] проведения информационно-психологических операций. Поэтому все концептуальные подходы базируются, прежде всего, на древнекитайских стратагемах, которые во многом определяют теорию и современную практику противоборства Китая.

Одновременно специфичность китайских представлений о системе противоборства определялась влиянием теории «народной войны» [17] Мао Цзэдуна. Разработав гибридную стратегию ведения партизанской войны, он три стратегии (подрывная деятельность, истощение противника, его уничтожение) объединил в стратегию затяжной народной войны. Практика показала достаточно высокую ее эффективность, в том числе и в борьбе с регулярной армией. Гибридизация этой войны осуществлялась Мао с использованием древнекитайских 36 стратагем. Осмысление им ряда стратагем, таких как «Притворяться глупцом, не теряя головы», «Заманить на крышу и убрать лестницу», «Выкрасть балки и подменить колонны, не передвигая дома», «Дружить с дальним и воевать с ближним», «Мутить воду, чтобы поймать рыбу», «Чтобы поймать разбойников, надо прежде поймать главаря» и других, позволило создать прикладное руководство к действию [18]. При этом применение таких правил носило комбинаторный характер с включением провокаций, отвлекающих маневров, подстав, различных других хитростей и обманных ходов, что усилило специфичность китайской системы противоборства.

Вне поля зрения китайских специалистов не остался и арсенал психотехнологий тайных религиозных и иных организаций, использование которых стало возможным при оказании Китаем воздействия на политическую жизнь других стран [19]. «Срединная империя» в течение многих столетий жила по сложившейся поговорке: «Власти опираются на закон, народ – на тайные общества»⁸. Традиционно такие сообщества сохраняли глубоко укоренившиеся правила технологий коммуникации и соблюдения конспирации. Так, в общении их члены широко использовали скрытый язык жестов, намеков, иносказаний, особую манеру

поведения. Культура психотехнологий совершенствовалась и передавалась в течение многих веков, а в настоящее время применяется в психологическом воздействии на сознание, поведение людей и управлении обществом. Китай, взяв под контроль мировую китайскую диаспору («хуацяо»), включая ее тайные сообщества (например, «Триады» и др.), использует стратегию «тихой экспансии» и тактику «массированного натиска», где заметное место занимают психотехнологии.

Особую роль в развитии противоборства сыграл интерес Мао Цзэдуна и последующих руководителей Китая к теории и практике психологических операций в США. Данное обстоятельство позволило воспринимать противоборство как целостный этнокультурный феномен в различных вариантах сценической постановки. Пребывая в «обертке» исследуемого феномена, посредством набора аналитического инструмента, обуславливающего социальные действия, психологический дискурс раскрывает роль и механизм формирования значений, смыслов, картин мира и т. д. Всесторонний анализ нюансов процесса противоборства Китая с США позволяет рассматривать его не как трансформацию концепции «мягкой силы», а имеющего иное качество содержания: «мягкого внешне, но жесткого внутри». Твердое отстаивание главных стратегических направлений привело Си Цзиньпина к призыву «укреплять вооруженные силы и быть готовым к войне». Со всей остротой перед руководством КПК стала задача: в процессе противоборства с США, развивая и используя информационно-психологические, гуманитарные и другие технологии, достичь информационного превосходства.

Проведенный нами анализ убеждает, что «информационно-психологическое противоборство представляет собой этнокультурный феномен, ядром которого является совокупность технологий воздействия в виде психологических средств достижения информационного превосходства». Данный контекст раскрывает природу и основу осмысления дискурса:

1. Стремление Китая к гегемонии представляет осознанную опасность для стран Запада, которыми предпринимаются меры по ограничению «стратегической зависимости». Восприятие США мира XXI в. однополярным, а его азиатскую часть многополярной, при диаметрально противоположной позиции КНР, превращает их в главных геополитических противников. Созданные в КНР политические структуры, способные осуществить «бархатную революцию», продемонстрировали свои возможности в событиях на Тяньаньмэнь (1989), гонконгском майдане (2014) и т. д. В превентивных целях и для достижения информационного превосходства КНР актуализировала исследования

⁸ Калугин С. История тайного общества «Хунмэнь». URL: https://zavtra.ru/blogs/s_kalugin_istoriya_tajnogo_obshestva_hunmen_ (дата обращения: 08.01.2021).

по проблемам противоборства и предприняла меры по усилению своего потенциала.

2. Тысячелетний Китай, при сохранении культурно-цивилизационной основы, сформулировал идеологию XXI в., квинтэссенцией которой стал стратегический проект «китайская мечта». «Китаецентризм» как система мировоззрения означает свою страну как «Поднебесная», стратегия которой материализуется в символах: Великий шелковый путь и Великая Китайская стена. Открытость внешнему миру (путь – выход за пределы) с защитой китайской культуры (стена – фиксирует границы цивилизации) от экспансии воздействий оформили концепцию Великого китайского Порядка. Двойственность вектора влияния КНР в настоящее время проявилась в специфике системы противоборства.

3. Противоборство руководством КНР воспринимается как совокупность действий, направленных на разрушение и нейтрализацию информационных систем противника, а также защиту собственных информационных систем. В его основу Пекином был положен императив «сильный, но не жесткий», где в ходе противоборства с США ставка делается на перспективу развала США изнутри. Это не противоречит китайской концепции «небесного господства и судьбы» и формулы поведения «мягкий внешне, но жесткий внутри». Такой подход позволяет сохранить национальную культуру, менталитет, национальную память и модифицировать культурно-психологический феномен «противоборство».

4. Столетиями Китай, сталкиваясь с угрозами вторжения и соперничеством группировок внутри страны, вырабатывал каноны стратегического мышления. Отличный от европейцев менталитет, тип мышления и практицизм сформировал адекватные им технологии в сфере противоборства. Нужда «жить и выживать» обусловила при отсутствии целей потребность осуществлять деятельность в ситуационном режиме. Технологии работы с ситуацией, отслеживание сценария и хода развития, склонение в свою пользу основываются на «принципе цикла перемен». Привлечение «третьей силы» при противоборстве двух сторон», но пассивная позиция ханьцев является правилом противоборства, обеспечивающим тактический успех. Возможность «бескровной» победы допускалась путем нейтрализации противника, скопления его сил и действий, а также мягкого его «обволакивания» при должной динамике своих сил.

5. Многовековые угрозы, связанные с выживанием Китая, выработали каноны стратегического мышления. Теоретиком Сунь-цзы на принципах технологии «стратегия не прямых действий» разработана первая концепция противоборства. Многократно усиленная стратегемами, теорией

«народной войны», доктриной и практикой информационных войн, она получила концептуальное оформление. Умелое его применение обеспечивало успех в борьбе, как в прошлом, так и в настоящее время, позволяя Китаю к середине XXI в. стать гегемоном и приступить к реформативному миру. Основой этого может стать реализуемый с 2004 г. в КНР проект «Золотой щит», а также предложение для стран группы двадцати (G20) Си Цзиньпина по созданию международного механизма взаимного признания кода, введения «паспорта здоровья» и т. д.

6. Государственная система Китая по ведению противоборства опирается на Исследовательское бюро при Госсовете КНР, Системно-аналитический центр МГБ и Китайский институт современных международных отношений (CICIR). Такого рода «мозговых центров» в Китае, включая и негосударственные, насчитывается 470. Для руководства КНР ими вырабатываются ситуационные прогнозы и планы проведения различных оперативных мероприятий, например по срыву внедрения среди китайцев западных ценностей, формированию через СМИ общественного мнения в выгодном плане и т. д. Более того, CICIR использует рабочие контакты с ЦРУ для получения информации, продвижения дезинформации противнику.

7. Захват глобального пространства и защита информационной границы КНР соответствуют его геополитическим установкам. «Золотой щит» обеспечивает контроль над населением «Поднебесной» через оценку благонадежности, троллинг и масштабную фильтрацию контента. Защита информационного пространства от проникновения извне деструктивного интернет-контента базируется на запрете работы ряда социальных сетей (Facebook, Twitter и др.) и замещении их китайскими аналогами. Введение «концепции трех войн», включающей психологическую, медиа- и правовую войны, существенно активизировало работу по обозначенным направлениям противоборства. Важным дополнением явилось наделение правом опережающих действий в киберпространстве и нанесения удара первыми.

Итоги анализа «информационно-психологического противоборства» как этнокультурного феномена на основе психолого-культурологического подхода позволяют воспринимать его в качестве интегративной и многомерной модели. Такого рода интеграция раскрывает природу феномена и направленность поведения субъектов права. Отраженный тысячелетний опыт в виде пересекающихся во времени и пространстве этнокультурно оформленных и психологически обеспечивающих явлений задает перспективу анализа психологического дискурса.

2. Дискурсивно-когнитивная парадигма психологической составляющей противоборства

Сложная взаимозависимость и взаимообусловленность процесса противоборства требуют адекватного исследовательского инструментария. Матрицей такого рода может стать парадигма на основе связи языка с когнитивными процессами при наличии субъектов, оказывающих воздействие. Поэтому дискурсивно-когнитивная парадигма существует как элемент научной методологии психологии, где когниции «летят» впереди дискурса в виде совокупности отдельных текстов, раскрывая процесс «когнитивного конструирования мира». «Концепция трех войн» Китая на основе парадигмы и принципов позволяет формировать психологическое содержание в базовых точках достижения информационного превосходства. Структурные ее элементы рассматриваются в диалектической целостности, допуская действия, связанные с опережением и нанесением противнику в киберпространстве удара первыми. Общенаучная методология Китая всегда была ориентирована на использование системы символов и символических схем. Китайская «Книга Перемен» (VIII–VII вв. до н. э.) дает нам 64 символа, имеющих сложную структуру [15, с. 13–17], из которых и сложился базовый набор психологических дефиниций, пригодных к структурированию нового знания. На примере фундаментальных категорий тайцзи, инь и ян, являющихся культурными кодами, видно, как вакуум исследуемого нами феномена может быть заполнен фрагментами их содержания. Такое наполнение знаково-символическим содержанием системы противоборства позволяет реализоваться в различных его формах. При этом возможно конструирование иных вариантов событий и виртуальных миров, где другие реальности задают иные приоритеты. Культурно-психологические механизмы менталитета и этноидентичности включают специфичные для китайцев процессы осмысления, генерализации и нормирования жизнедеятельности [9, с. 16–20]. Поэтому используемые технологии преследуют цель намеренного воздействия на сознание противника для его когнитивного подавления, подчинения. В целом «срединная империя» в дискурсивном противоборстве, как и в прошлом, использует психологические операции для оказания воздействия на процесс целеполагания и выработки противником решений. Более того, воздействие направлено на трансформацию картины мира, истории развития и ценностных ориентаций в целях «переформатирования» менталитета и «когнитивной карты» сознания, изменения политического поведения и социальных связей [1].

Многовековое положение «срединного» государства предопределило понимание узаконенного господства существующей власти, выходящего

за его пределы. Новая «миссия» построения «гармоничного мира» в рамках доктрины благополучного общества придала ей статус китайской идеологемы-концепции во внутренней и внешней политике КНР. Глобализация по-китайски привела не только к «стиранию границ», но и к расширению дискурсивного диапазона. «Концепция трех войн» (психологическая, медиа- и правовая война) актуализировала психологическую составляющую в медиа-, а синтез технологий «технических» и «человеческих» – в киберпространстве. Активизация медийной составляющей противоборства позволяет КНР создавать у объекта иные образы, использовать мифы, компрометировать лидеров и структуры и т. д. При этом идеи древнекитайской методологии, складывающейся из диграмм, триграмм, способов обработки, как правило, используются в механизме психологического воздействия. Насыщая медиадискурс элементами манипуляции, китайские специалисты на основе формулы «манипуляция – технология – знания» активно используют психологические методы воздействия. Дезинформация, внушение, устрашение, запугивание с учетом этно-конфессиональных особенностей объектов воздействия повышают эффективность проводимых психологических операций. В этом плане наибольший интерес вызывает применение средств дискредитации, реализация которых осуществляется в дуальной дихотомии «друг/враг». Именно здесь дискредитация как средство противоборства становится ядром дискурсивной стратегии и диктуется особенностями коммуникации в медиасфере и степенью креолизации медиатекстов. В Китае сложилась дискурсивная школа, в которой используется насаждение своей идеологии, ценностных ориентаций, культуры, имиджа и т. д. Возможности стратегии дискредитации исходят из контекстуальной ситуации и цели формирования виртуальной медиакартины мира. Анализ позволяет выделить ряд особенностей медиадискурса: (а) линия на антагонизм с США и Японией; (б) иероглифический характер письма и конструируемых с его помощью метафор, вызванных образностью китайского мышления; (в) высокий уровень графичности производимой информации, присутствия невербальной метафоры и иллюстративного материала; (г) китаецентричность медиадискурса и его специфика в сочетании с нейтральностью формулировок и воспроизводимости идеологем; (д) двусмысленность, сухость, некатегоричность политического медиадискурса, нежелание китайских СМИ видеть в объекте информации коммуникатора; (е) согласованность внедряемых нарративов с идеологической линией [20]. В целом характер состояния современного китайского медиадискурса выдерживает тактику золотой середины, уклонения

от крайностей. Однако в политическом медиадискурсе в отношении «врага» применяется тактика обвинения, оскорбления, издевки и умаления авторитета. Активно используются военные метафоры (сражения, оборонительные действия, начало войны и ее исход, оружие и т. д.), концептосферы «война», вызывающие негативное восприятие⁹. Применяются также тактики «бездоказательного умаления авторитета», «оскорбления», «превращения нейтральных контекстов в дискредитирующие», демонизации¹⁰ и т. д. Таким образом, исторически сложившаяся стратегия дискредитации, экстраполированная на информационные технологии, позволяет КНР воздействовать в направлении изменения мировоззренческих установок и способов мышления населения многих стран.

Деструктивная деятельность в цифровом пространстве приобретает новые контуры, превращая информационно-психологические методы (манипуляция, дезинтегрирование, дефрагментирование и др.) в наиболее острое средство противоборства Китая¹¹. Такого рода борьба в киберпространстве понимается как действия, направленные на разрушение и нейтрализацию информационных систем противника, а также на защиту собственных информационных систем. При этом КНР использует широкий спектр средств цифровизации на основе сетцентрирования техносферы, средств кибернетического [21] и киберкинетического воздействия и т. д. К числу перспективных видов информационно-психологических средств в НОАК относят: (а) электронно-вирусное; (б) технологии создания радиопомех; (в) одноразовые и многоразовые генераторы различных видов электромагнитной (взрывомангнитные, взрывные магнетогидродинамические, пучково-плазменные и др.) [8] энергии. Целью использования киберсредств в противоборстве для КНР остается возможность психологического воздействия на отдельных лиц, включая лидеров, категории и группы людей, социум в целом, а также вывода из строя сегментов критически важных объектов. КНР накоплен достаточный

⁹ Вэй Ши. Сравнительное исследование военных метафор в китайско-российских политических дискурсах / Ши Вэй // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3, № 3. С. 76–81. DOI: 10.17150/2587-7445. 2019. 3(3). 76–81.

¹⁰ Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5. С. 28–37.

¹¹ Ибрагимов Г. Стратегия КНР в киберпространстве: вопросы управления интернетом и обеспечение информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1. С. 169–184.

опыт использования киберсредств в процессе информационно-психологического противоборства [9]. По данным зарубежных СМИ, Китаем, при его отрицании, периодически проводятся кибероперации против США, Тайваня, Японии, Индии и других стран¹². Особую роль в этом играет специальная информационная лаборатория (г. Нанкин), которая имеет определенные достижения в этом направлении.

Выводы (Заключение). Итоги анализа информационно-психологического противоборства как этнокультурного феномена представляют собой вероятностную интегративную и многомерную модель, раскрывающую психологическую природу противоборства и его направленность. Этнокультурно оформленные и психологически обеспечивающие технологии задают психологический дискурс. Научная новизна работы состоит в системном представлении ретроспективы противоборства как этнокультурного феномена и его ядра – психологического дискурса. Применение технологий манипуляции, дезинтегрирования, дефрагментирования, демонизации противника, «идеологические» средства в сочетании с гибридизацией показывает высокий эффект проводимых информационно-психологических и киберопераций. Составляя теоретическую значимость, данная информация может быть использована при разработке проблем противодействия. Развитие процесса информационного противоборства КНР обусловлено скрытым его характером и затрудняющим прогноз в виду дефицита достоверной информации. Нарастивание геополитической конкуренции в мире определяет *перспективу научных исследований* теории психологического противоборства, направленных на предотвращение, локализацию и разрешение конфликтов.

¹² Wolf J. Pentagon says «aware» of China Internet rerouting (November 19, 2010). URL: <https://www.reuters.com/article/us-cyber-china-pentagon-idUSTRE6AI4HJ20101119> (дата обращения: 30.12.2020); Mulvenon J. C. «Chinese Information Operations Strategies in a Taiwan Contingency». URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Chinese_information_operations_and_information_warfare. Архивировано 3 ноября 2011 г. на Wayback Machine Archived; Huawei And ZTE In Telecom Security Tangle Of India, Perry4Law's Techno Legal Base (PTLB TM/SM) Blog (January 23, 2012). URL: <https://ptlbindia.blogspot.com/> (дата обращения: 30.12.2020); Chinese cyberattack hits Canada's National Research Council, CBC (July 29, 2014). URL: <https://www.cbc.ca/news/politics/chinese-cyberattack-hits-canada-s-national-research-council-1.2721241> (дата обращения: 30.12.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собольников В. В. Информационное воздействие в современном мире: социально-психологический аспект. Новосибирск, 1999. 166 с.
2. Cheng D. Winning without fighting: Chinese public opinion warfare and the need for a robust American response. *The Heritage Foundation*. 2012. № 2745. P. 1–8.
3. Yoshihara T. Chinese information warfare: a phantom threat or an emerging threat? Carlisle, 2001. 42 p.
4. Farris K. Chinese views of information warfare // *Defense Intelligence Journal*. 2001. Vol. 10, № 1. P. 38.
5. Ужкенов Е. М., Есназаров Т. М. Характер современной информационной войны. Взгляд китайских исследователей // *Вестник Казахского национального университета. Серия «Востоковедение»*. 2013. № 1. С. 49–53.
6. Бергстен Ф., Гилл Б., Ларди Н., Митчелл Д. Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве. 2-е изд. Москва : Ин-т комплексных стратег. исслед., 2007. 256 с.
7. Johnson M. D. Propaganda and sovereignty in wartime, China: morale operations and psychological warfare under the office of war information // *Modern Asian Studies*. 2011. Vol. 45, № 2. P. 303–304. DOI: 10.1017/S0026749X11000023.
8. Макаренко С. И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. Санкт-Петербург : Научно-технологические технологии, 2017. 546 с.
9. Юрченко Г. Возможности Китая по проведению компьютерных сетевых операций и кибершпионажу // *Военно-политическое обозрение*. 2012. 20 апр. URL: <http://www.belvpo.com/9984.html> (дата обращения: 01.12.2020).
10. Krekel B., Adams P., Bakos G. Occupying the information high ground: Chinese capabilities for computer network operations and cyber espionage / Northrop Grumman Corp. [S. l.], 2012. 136 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/USCC_Report_Chinese_Capabilities_for_Computer_Network_Operations_and_Cyber_%20Espionage.pdf (дата обращения: 21.11.2020).
11. Авраменко А., Старунский А. Психологические операции Народно-освободительной армии Китая // *Зарубежное военное обозрение*. 2005. № 4. С. 14–19.
12. Собольников В. В. Менталитет, ментальность и этнопсихологические особенности китайцев. Москва : ИНФРА-М, 2017. 160 с.
13. Sawyer R. D. The seven military classics of ancient China. New York : Basic Books, 2007. 592 p.
14. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве: с комментариями и объяснениями : пер. с кит. Москва : АСТ, 2017. 320 с.
15. Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». Санкт-Петербург : Алетейя, 1992. 474 с.
16. Фон Зенгер Х. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Москва : Эксмо, 2004. 364 с.
17. Мао Цзэдун. Стратегические вопросы революционной войны в Китае (декабрь 1936 г.) // *Избранные произведения*. Москва, 1952. Т. 1. С. 305–430.
18. Тридцать шесть стратегем. Китайские секреты успеха : пер. с кит. В. В. Малявина. Москва : Белые альвы, 2000. 192 с.
19. Тайные общества в старом Китае : сб. ст. / отв. ред. В. П. Илюшечкин. Москва : Наука, 1970. 205 с.
20. Лобанова Т. Н. Дискредитация как дискурсивная стратегия в китайском политическом медиадискурсе // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2016. № 2. С. 1–11. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 05.12.2020).
21. Айтাকাева Т. КНР: концепции информационных операций // *Зарубежное военное обозрение*. 2008. № 6. С. 30–31.

REFERENCES

1. Sobol'nikov V. V. *Informational impact in the modern world: a socio-psychological aspect*. Novosibirsk, 1999, 166 p. (In Russ.).
2. Cheng D. Winning without fighting: Chinese public opinion warfare and the need for a robust American response. *The Heritage Foundation*, 2012, no. 2745, pp. 1–8. URL: <https://www.heritage.org/asia/report/winning-without-fighting-chinese-public-opinion-warfare-and-the-need-robust-american> (accessed 15.12.2020).
3. Yoshihara T. *China information warfare: a phantom threat or an emerging threat?* Carlisle, 2001, 42 p.
4. Farris K. Chinese views of information warfare. *Defense Intelligence Journal*, 2001, vol. 10, no. 1, p. 38.
5. Uzhkenov E. M., Yesnazarov T. M. The nature of modern information warfare. View of Chinese researchers. *Bulletin of Kazakh National University. Series "Oriental Studies"*, 2013, no. 1, pp. 49–53. (In Russ.).
6. Bergsten F., Gill B., Lardy N., Mitchell D. *China. What should you know about the new superpower*. 2nd ed. Moscow, Inst. of Complex Strategic Research, 2007, 256 p. (In Russ.).
7. Johnson M. D. Propaganda and sovereignty in wartime, China: morale operations and psychological warfare under the office of war information. *Modern Asian Studies*, 2011, vol. 45, no. 2, pp. 303–304. DOI: 10.1017/S0026749X11000023.
8. Makarenko S. I. *Information confrontation and electronic warfare in network wars at the beginning of the XXI century*. Saint Petersburg, Science-intensive technologies, 2017, 546 p. (In Russ.).
9. Yurchenko G. Opportunities of China for computer network operations and cyber espionage. *Military-Political Review*, 2012, Apr. 20. URL: <http://www.belvpo.com/9984.html> (accessed 01.12.2020). (In Russ.).

10. Krekel B., Adams P., Bakos G. *Occupying the information high ground: Chinese capabilities for computer network operations and cyber espionage*. Northrop Grumman Corp. [S. 1.], 2012, 136 p. URL: http://www.uscc.gov/RFP/2012/USCC%20Report_Chinese_CapabilitiesforComputer_Network_Operationsand_Cyber_Espionage.pdf (accessed 21.11.2020).
11. Avramenko A., Starunsky A. Psychological operations of the People's Liberation Army of China. *Foreign military review*, 2005, no. 4, pp. 14–19. (In Russ.).
12. Sobol'nikov V. V. *Mentality, mentality and ethnopsychological characteristics of the Chinese people*. Moscow, INFRA-M, 2017, 160 p. (In Russ.).
13. Sawyer R. D. *The seven military classics of ancient China*. New York, Basic Books, 2007, 592 p.
14. Sun T. *A treatise on the art of war: with commentaries and explanations*. Moscow, AST, 2017, 320 p. (In Russ.).
15. Shutsky Y. K. *Chinese classical "Book of changes"*. Saint Petersburg, Alethea, 1992, 474 p. (In Russ.).
16. Von Senger H. *Stratagems. On the Chinese art of living and surviving*. Moscow, Eksmo, 2004, 364 p. (In Russ.).
17. Mao Z. Strategic issues of the revolutionary war in China (December 1936). *Selected works*. Moscow, 1952, vol. 1, pp. 305–430. (In Russ.).
18. *Thirty-six stratagems. Chinese secrets of success*. Moscow, White Alives, 2000, 92 p. (In Russ.).
19. Ilyushechkin V. P. *Secret societies in old China: coll. of art*. Moscow, Science, 1970, 205 p. (In Russ.).
20. Lobanova T. N. Discrediting as a discourse strategy in Chinese political media discourse. *Bulletin of Moscow State Regional University*, 2016, no. 2, pp. 1–11. URL: www.evestnik-mgou.ru (accessed 05.12.2020). (In Russ.).
21. Aitakaeva T. Chinese People Republic: concepts of information operations. *Foreign military review*, 2008, no. 6, pp. 30–31. (In Russ.).

Информация об авторе

Собольников Валерий Васильевич – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогический университет (Российская Федерация, 630126, Новосибирск, ул. Виллюйская, 28, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 11.01.21

После доработки 25.01.21

Принята к публикации 29.01.21

Information about the author

Valery V. Sobolnikov – Doctor of Psychology, Professor at the Chair of General Psychology and History of Psychology at Novosibirsk State Pedagogical University (28 Viluyskaya str., 630126, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com).

The paper was submitted 11.01.21

Received after reworking 25.01.21

Accepted for publication 29.01.21